

Л. И. Бородкин

**ГУЛАГ В ГОДЫ ВОЙНЫ: МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА
В ЭКСТРЕМАЛЬНОМ РЕЖИМЕ**

doi: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-46-54

УДК 94(470)“1941/1945”

ББК 63.3(2)622

В статье рассматриваются направления использования принудительного труда в СССР в годы Великой Отечественной войны, в условиях мобилизационной экономики в ее экстремальном режиме. В центре внимания — изменения функций ГУЛАГа в военное время, численности и структуры его контингентов, условий жизни и труда заключенных, вклад ГУЛАГа в военную экономику СССР. Дается характеристика трансформации системы управления ГУЛАГом накануне войны, структуры лагерной системы. Показано, что в условиях войны особенно тяжелыми для его контингентов были первые два года, когда главной проблемой стал продовольственный дефицит в лагерях и вызванное им резкое увеличение заболеваемости и смертности заключенных. Острота этих проблем была снижена к 1944 г. Основное внимание в статье уделяется производственной деятельности ГУЛАГа в годы войны, его роли в обеспечении потребностей фронта. Показана возросшая роль контрагентских работ ГУЛАГа, направленных на выполнение производственных задач на стройках и промышленных объектах других ведомств. На первом этапе войны, как следует из архивных материалов, значительная часть запросов на контрагентскую рабочую силу ГУЛАГа оставалась неудовлетворенной, спрос на рабочую силу лагерей со стороны ряда наркоматов существенно превышал его возможности. Анализ мобилизационных механизмов ГУЛАГа в годы войны проводится на основе архивной документации.

Ключевые слова: *принудительный труд, мобилизационная модель экономики, военная экономика, ГУЛАГ*

Обсуждая возможности и проблемы реализации моделей мобилизационной экономики в России XX в., следует определиться с самим понятием мобилизационной экономики. Несмотря на его кажущуюся очевидность, в научном сообществе нет консенсуса в определении экономики мобилизационного типа, что было выявлено и в ходе первой конференции «Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века» (Челябинск, 2009). Ряд участников этой конференции согласились с определением А. Г. Фонотова: «Развитие, ориентированное на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм, будем называть мобилизационным типом развития».¹ Исходя из данного подхода, можно утверждать, что характерной ситуацией для мобилизационной экономики является война или подготовка к ней. В то же

время из выступлений участников конференции было ясно, что мобилизационная экономика может иметь и гораздо более широкую трактовку, включающую, в частности, активную роль государства в организации мобилизации ресурсов страны, необходимых для выполнения поставленных задач и планов, на основе использования внеэкономических методов воздействия на тех, от кого зависит достижение этих задач.²

Учитывая исторический опыт реализации мобилизационной модели экономического развития страны в XX в., обратимся к вопросу о роли ГУЛАГа (главка в структуре НКВД СССР) в решении задач военной экономики. Если доля «спецконтингентов», направляемых в промышленность и строительство, составляла в среднем около 10 % от общей численности занятых в этих секторах экономики СССР, то доля их продукции в общем объеме промышленного производства страны была гораздо меньше (так, в начале 1950-х гг. она составляла 2,3 %³).

¹ Фонотов А. Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993. С. 88.

Бородкин Леонид Иосифович — чл.-корр. РАН, профессор, зав. кафедрой исторической информатики, научный руководитель Центра экономической истории Исторического факультета, Московский государственный университет (г. Москва)
E-mail: lborodkin@mail.ru

² См., напр.: Седов В. В. Мобилизационная экономика: от практики к теории // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Челябинск, 2009. С. 7.

³ См.: Хлевнюк О. В. Экономика ОГПУ — НКВД — МВД СССР в 1930–1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2005. С. 74, 80.

Но в целом ряде отраслей доля ГУЛАГа была гораздо выше.⁴

Рассмотрим вопросы функционирования и производственной деятельности ГУЛАГа в годы Великой Отечественной войны, в предельных условиях мобилизационной экономики.

* * *

Экономические функции ГУЛАГа с самого начала были связаны с целями, достижение которых было практически невозможно при использовании тех методов принуждения и стимулирования труда, которые применялись на предприятиях вне лагерной системы. Эти функции включали: обеспечение развития отдаленных районов страны, привлечение в которые вольнонаемных работников требовало значительных средств; создание чрезвычайно мобильной рабочей силы, легко перебрасываемой с объекта на объект в соответствии с планами руководства страны; обеспечение возможностей эксплуатации этой рабочей силы практически без ограничений, вплоть до полного истощения; повышение уровня дисциплинированности «свободных» работников ввиду угрозы попасть в лагерь; снижение давления на скудный потребительский рынок; облегчение решения сложных социальных проблем (например, жилищной и инфраструктурной) ввиду изоляции миллионов заключенных и других «спецконтингентов».⁵ Добавим еще задачу самокупаемости ГУЛАГа: расходы на содержание заключенных должны были покрываться доходами от его производственной деятельности.

Начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война потребовала небывалого напряжения сил не только на фронте, но и в тылу, что не могло не повлиять на функции ГУЛАГа, на численность и структуру его контингентов. Какой характер носили эти изменения? Каков был вклад ГУЛАГа в решение задач военной экономики СССР? Но прежде кратко охарактеризуем состояние лагерной системы накануне войны.

Уже в 1930-х гг. ядром экономики ГУЛАГа стали крупные стройки, горнодобывающая и лесная промышленность, требовавшие массового применения неквалифицированного физического труда в нередко экстремальных климатических условиях.

Общие сведения о лагерной экономике к началу 1940 г. отражены в докладе заместителя начальника ГУЛАГа Лепилова руководству НКВД СССР (март 1940 г.).⁶ К этому моменту ГУЛАГ включал 53 исправительно-трудовых лагеря (ИТЛ), 425 исправительно-трудовых колоний (ИТК). Общй контингент заключенных, содержащихся в ИТЛ и колониях ГУЛАГа, насчитывал 1 668 200 человек, из которых 34,1 % приходилось на осужденных за «контрреволюционную деятельность» и за особо опасные преступления против порядка управления.⁷ Как отмечается в докладе, к началу 1940 г. централизованная картотека ГУЛАГа отражала необходимые данные почти по 8 млн человек, «как по лицам, прошедшим через изоляцию, так и по содержащимся ныне в местах изоляции».⁸ Хозяйственная деятельность ГУЛАГа была «исключительно разнообразна» и охватывала промышленность (17 отраслей), сельское хозяйство и «строительство крупнейших индустриальных комплексов». Наиболее крупный вклад ГУЛАГа был в эти годы в лесную промышленность. Объем лесозаготовок ГУЛАГа в 1940 г. составлял около 40 % заготовок Наркомлеса СССР и почти 13 % всех лесозаготовок.⁹ Существенна роль горно-металлургических предприятий ГУЛАГа в процессах форсированной индустриализации страны. Что касается золота и олова, то основная добыча этих металлов в стране производилась лагерями Дальстроя НКВД (66,7 т чистого золота и 5 100 т олова в 1939 г.).¹⁰ Особое место в экономике ГУЛАГа занимало капитальное строительство, которое «выделялось масштабами и сложностью возводимых сооружений». В первую очередь это касалось горно-металлургической промышленности (371 млн руб. капиталовложений в 1940 г.), топливной (88 млн руб.), лесной промышленности (80 млн руб.) и др. Однако, как отмечалось в докладе Лепилова, не эти стройки определяли роль ГУЛАГа «как крупнейшей строительной системы в СССР»; а строительство «объектов исключительного народнохозяйственного значения, ввод в действие которых резко увеличивает индустриальную мощь Советского Союза

⁶ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–124.

⁷ См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2002. С. 725, 726.

⁸ Там же. С. 727.

⁹ Там же. С. 733–737.

¹⁰ Там же. С. 747–753.

⁴ Там же. С. 74.

⁵ Там же. С. 79, 80.

и укрепляет его обороноспособность». Речь шла прежде всего о гидротехнических сооружениях (гидростанциях, гидроузлах), а также о судостроительных заводах и морских сооружениях, предназначенных, в частности, для ВМФ и морского флота.¹¹

Столь обширная хозяйственная деятельность ГУЛАГа потребовала к 1940 г. перестройки структуры управления. Охарактеризуем вкратце ее эволюцию.¹²

Сформированный в 1930 г., ГУЛАГ с июля 1934 г. стал главком во вновь созданном НКВД СССР, сосредоточив практически все управленческие функции по отношению к лагерям и колониям, при этом разделение задач управления на хозяйственные и «лагерные» (режимные) существовало лишь на уровне управлений и отделов ГУЛАГа.¹³ Однако резкий рост числа лагерей и заключенных во второй половине 1930-х гг.¹⁴ и повышение роли экономических задач лагерной системы привели к усложнению и многократному расширению аппарата ГУЛАГа, «все больше приобретающего облик комплексного производственного главка».¹⁵

В результате накануне войны возникла необходимость радикального изменения структуры управления лагерной системой. Ряду отделов и управлений ГУЛАГа, занятых руководством производственными объектами, был придан статус самостоятельных главков НКВД при полном их выделении из состава ГУЛАГа. Таким образом, в 1940 г. в составе НКВД СССР возникли Главное управление лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС), Главное управление лагерей гидротехнического строительства (ГУЛГТС), а затем, в феврале 1941 г., — Главное управление лагерей горно-металлургических предприятий (ГУЛГМП), Главное управление лагерей лесной промышленности (ГУЛЛП), Главное управление лагерей промышленного строительства (Главпромстрой, ГУЛПС); в марте 1941 г. было создано Главное управ-

ление аэродромного строительства (ГУАС), а в мае — Управление лагерей по строительству предприятий черной металлургии (УЛСПЧМ) НКВД СССР.¹⁶ Таким образом, в подчинении НКВД СССР оказался ряд производственных главков, и ГУЛАГ был теперь лишь одним из них. При этом ГУЛАГ в новом качестве сохранил часть производственных функций, но в ряду сформированных главков он имел особые полномочия, которые касались различных аспектов лагерного режима всех производственных главков.¹⁷ В итоге ГУЛАГ (как один из главков НКВД) больше не нес ответственности за состояние экономических объектов, подчиненных руководству новых главков, которые теперь отвечали за выполнение производственной программы перед руководством НКВД СССР.

Таким образом, к началу войны функции, структура и масштабы деятельности ГУЛАГа существенно изменились. Теперь (и уже до конца существования лагерной системы в СССР) ГУЛАГ был одним из производственных главков НКВД СССР (с 1946 г. — МВД СССР), игравшим, однако, особую роль в лагерной системе. Следует отметить, что в соответствии со сложившейся традицией термин «ГУЛАГ» используется в литературе расширительно, символизируя всю систему принудительного труда в НКВД/МВД на протяжении ее 30-летней истории. В таком же значении этот термин применяется и в данной статье.

* * *

Различные аспекты деятельности лагерной системы в годы войны отражены в ряде публикаций.¹⁸ Мы рассмотрим эту тему в контексте мобилизационной модели военной экономики СССР, опираясь преимущественно на архивные источники, прежде всего на документацию НКВД СССР, ГУЛАГа, ряда ведомств и руководящих органов СССР, хранящуюся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Один из наиболее информативных документов — доклад начальника

¹¹ Там же. С. 766–776.

¹² Отметим, что наиболее детальное исследование административных структур, которые управляли системой лагерей и колоний в период сталинизма, принадлежит С. Эртцу. См.: Эртц С. Лагерная система в 1930–1950-е гг.: эволюция структуры и принципов управления // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С. 90–128.

¹³ Эртц С. Указ. соч. С. 122.

¹⁴ Одна из причин роста численности заключенных ГУЛАГа в конце 1930-х гг. связана с репрессивными волнами «Большого террора» (1937–1938 гг.).

¹⁵ Эртц С. Указ. соч. С. 122.

¹⁶ Это неполный список хозяйственных главков НКВД — МВД. Так, еще в 1936 г. в структуре НКВД СССР было организовано Главное управление шоссейных дорог (ГУШОСДОР), в 1938 г. в подчинение НКВД было передано Главное управление строительства Дальнего Севера (Дальстрой).

¹⁷ См.: Эртц С. Указ. соч. С. 107, 108. См. также: ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 374. Л. 19–21.

¹⁸ Чаще всего в этой связи цитируется известная работа В. Н. Земскова. См.: Земсков В. Н. Вклад заключенных ГУЛАГа в победу в Великой Отечественной войне // Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 131–150.

ГУЛАГа В. Г. Наседкина наркомун внутренних дел Л. П. Берии «О работе ГУЛАГа за годы войны (1941–1944)»,¹⁹ датированный 17.08.1944 г. В докладе отмечается, что вся оперативная и производственно-хозяйственная деятельность ГУЛАГа НКВД СССР была направлена на усиление изоляции заключенных и на борьбу с антисоветскими проявлениями среди них; сохранение физического состояния заключенных и их полное трудовое использование; комплектование важнейших оборонных строителств и предприятий рабочей силой из заключенных; всемерное усиление производства боеприпасов, спецукупорки и другой оборонной продукции, а также на расширение собственной продовольственной базы.²⁰ Последний пункт представляется немаловажным в контексте драматического характера динамики численности заключенных ГУЛАГа в годы войны, когда смертность среди них достигла чрезвычайно высокого уровня. Если в 1940 г. уровень смертности в ИТЛ и ИТК был 2,7 %, в 1941 г. — 6,1 %, то в 1942 г. он достиг 24,9 %, а в 1943 г. — 22,4 %. На следующий год он снизился до 9,2 %, а в 1945 г. — до 5,95 %. В целом, в 1941–1945 гг. в ГУЛАГе умерло 932 268 человек, из них 620 386 — в 1942–1943 гг.²¹ Большинство из них скончалось от болезней, связанных с голодом.

Упомянутый доклад начальника ГУЛАГа содержал данные о динамике численности заключенных, содержащихся в годы войны в ИТЛ и ИТК: если к началу войны их численность составляла около 2 300 тыс. человек, то на 1 июля 1944 г. она снизилась до 1 200 тыс. человек. За три военных года из лагерей и колоний убыло 2 900 тыс. заключенных и вновь поступило 1 800 тыс. При этом доля осужденных за контрреволюционные и другие особо опасные преступления возросла с 27 % в 1941 г. до 43 % к июлю 1944 г. За эти годы вновь было организовано 40 ИТЛ, расформировано 69 ИТЛ.²² Произошли изменения и в соотношении численности заключенных ИТЛ и ИТК. С 1 июля 1941 г. по 11 февраля 1945 г. численность заключенных в лагерях сократилась в 2,5 раза (с 1 731 426 до 731 297 человек). При этом в колониях число заключенных несколько уменьшилось в 1942 г., а затем стало

неуклонно увеличиваться, превысив к февралю 1945 г. показатель июля 1941 г. на 40 %.²³

С первых же дней войны началась эвакуация заключенных (общим числом 750 тыс. человек) из местностей, находившихся близко к зоне военных действий.²⁴ Уже 22 июня 1941 г. появилась директива Наркома внутренних дел СССР и Прокурора СССР о переводе лагерей, тюрем и колоний на военное положение, в соответствии с которой прекращалось освобождение «контрреволюционеров, бандитов, рецидивистов и других опасных преступников», а указанных заключенных следовало «сосредоточить в усиленно охраняемые зоны», переведя охрану лагерей, тюрем и колоний на военное положение.²⁵ Однако изменение обстановки обусловило появление новой директивы Наркома внутренних дел СССР и Прокурора СССР от 29 апреля 1942 г.,²⁶ которая обязывала «заключенных, отбывших срок наказания, задержанных в лагерях, тюрьмах и колониях согласно директиве от 22 июня 1941 г., из-под стражи освободить, за исключением осужденных за измену, террор, шпионаж, диверсию, троцкистов, правых и бандитов, объявив последним, что они оставлены под стражей до окончания войны». При этом освобожденных граждан следовало «оставлять для работы в лагерях НКВД на положении вольнонаемных без права выезда и с прикреплением до конца войны к районам работ лагеря-стройки». Многочисленные просьбы «политзаключенных» (осужденных по ст. 58) направить их на фронт, за крайне редким исключением, не удовлетворялись.

За годы войны значительная часть заключенных ГУЛАГа пополнила ряды Красной Армии. 12 июля и 24 ноября 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указы о досрочном освобождении ряда категорий заключенных, осужденных за прогулы, бытовые и незначительные должностные и хозяйственные преступления, с передачей лиц призывных возрастов в Красную Армию. В результате ГУЛАГом было освобождено 420 тыс. заключенных. По специальным решениям ГКО в течение 1942–1943 гг. было произведено досрочное освобождение еще 157 тыс. человек

¹⁹ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 77. Л. 66–108. Документ опубликован: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. С. 272–315.

²⁰ См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. С. 272.

²¹ Там же. С. 441.

²² Там же. С. 272, 274.

²³ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 330. Л. 56.

²⁴ См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. С. 274, 275.

²⁵ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 158.

²⁶ Там же. С. 159, 160.

из числа осужденных за незначительные преступления с передачей их в ряды Красной Армии. Кроме того, по установленному ГУЛАГом порядку все заключенные, освобождаемые из лагерей и колоний за отбыванием сроков наказания, годные к строевой службе, также передавались в армию. Таким образом, за три года войны на укомплектование Красной Армии было передано 975 тыс. бывших заключенных ГУЛАГа.²⁷

* * *

Условия труда и быта заключенных ГУЛАГа были особенно тяжелыми в первые два года войны. Главной проблемой был продовольственный дефицит в лагерях. Так, в письме заместителя наркома внутренних дел СССР В. В. Чернышева, направленном 16.03.1942 в СНК СССР А. И. Микояну, отмечается, что рыба и жиры на протяжении полугода в лагерях почти полностью отсутствовали, что привело к резкому увеличению заболеваемости и смертности заключенных, росту доли слабосильных, в результате чего «огромное количество заключенных фактически не выводится на работы».²⁸ В письме В. В. Чернышева от 25.04.1942 г., речь идет о срыве поставок картофеля и овощей ряду лагерей, что вызвало «резкое ухудшение состояния контингентов, в результате чего имеет место рост цинготных, пеллагрозных заболеваний и смертности».²⁹ И таких документов в фонде 9414 ГАРФ немало.

Однако в 1941–1942 гг. лагерный контингент сталкивался и с другими тяжелыми проблемами, связанными с условиями труда и быта. Так, в рапорте начальника ГУЛАГа В. Г. Наседкина наркому внутренних дел Л. П. Берия от 23 мая 1941 г. (за месяц до начала войны) отмечается, что, по сообщению Оперативного отдела Северо-Печорского лагеря ГУЛЖДС НКВД, руководство Печорского лагеря не принимает необходимых мер к созданию нормальных бытовых условий заключенным, которые выводятся на работу в валенной обуви и старых брезентовых ботинках. «В условиях весенней распутицы они целыми днями простаивают в холодной воде и грязи, что вызывает большое количество простудных заболеваний. <...> Угрожающе возросло количество цинготных заболеваний», на юж-

ном участке Печорлага 10 мая зарегистрировано 8 389 больных цингой.³⁰ Ситуация в этом лагере усугубилась через несколько месяцев, о чем можно судить по спецсообщению зам. начальника оперативного отдела ГУЛАГа, посланному 01.11.1941 г. заместителю начальника ГУЛАГа Г. С. Завгороднему. Как отмечается в документе, заболеваемость и смертность в лагере принимают «угрожающие размеры», при этом наибольшее количество смертных случаев имеет место в результате заболеваний пеллагрой и гемоколитом при полном истощении людей. В заключительном разделе спецсообщения констатируется: «Санотдел Севпечлага необходимых мер по улучшению санитарного состояния лагеря не принимает».³¹

Эти проблемы отражены и в докладе от 18.12.1941 г. ответственного инструктора политотдела ГУЛАГа О. А. Разиной начальнику ГУЛАГа В. Г. Наседкину о работе лагерей Новосибирской области.³² Большое количество смертельных исходов в бараках и на местах работы связывается в докладе с отсутствием внимания к заключенным со стороны лагерного начальства, а также медработников. Отмечаются и факты «хищения продуктов до закладки их в котел» почти во всех лаготделениях, причем все выявленные нарушения проходят безнаказанно.³³

Архивная документация ГУЛАГа содержит целый ряд таких материалов, хотя очевидно, что нарушения фиксировались обычно лишь в случае прибытия в лагерь инспекционной комиссии «сверху».

Трудовой потенциал ГУЛАГа в течение первого года войны заметно снизился. Доля заключенных, годных к тяжелому и среднему физическому труду, составлявшая в 1940 г. 61 % от общего числа заключенных, в 1942 г. снизилась до 36 %, а доля ослабленных и инвалидов выросла на 2 %.³⁴ Одна из причин таких изменений связана с ростом заболеваемости заключенных, которая в первом полугодии 1941 г. составляла 6,7 %, но за два года войны поднялась до 22 %.³⁵ Однако вследствие проведения «специальных медико-санитарных

²⁷ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 42. Л. 40–41.

²⁸ Там же. Д. 39. Л. 88–89.

²⁹ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. С. 500–508.

³⁰ Там же. С. 503, 504.

³¹ Там же. С. 278.

³² Отметим, что величина показателя заболеваемости заключенных близка к показателю их смертности в 1942 и 1943 гг. — 24,9 % и 22,4 % соответственно.

²⁷ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. С. 275.

²⁸ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 34. Л. 168.

²⁹ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. Л. 272.

мероприятий» уже к 1944 г. заболеваемость в ГУЛАГе снизилась до 16 %, а выходы заключенных на работу увеличились на 10 %.³⁶

В целом, следует отметить, что рассмотренный доклад начальника ГУЛАГа наркому внутренних дел написан в формате ведомственного отчета и не отражает в достаточной мере тяжести положения заключенных лагерей в первые два года войны. Характерно, что данные об уровне заболеваемости в лагерях приводятся из расчета на год, в то время как единственное упоминание об уровне смертности в «пиковом» 1942 г. отражает ситуацию в среднем за месяц (2,1 %), что затушевывает чрезвычайно высокий годовой показатель смертности в ГУЛАГе (24,9 %).

* * *

Обратимся к вопросу о производственной деятельности ГУЛАГа в 1941–1945 гг., о вкладе труда заключенных в военную экономику страны.

Уже 26 июня 1941 г. нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия направил письмо И. В. Сталину о пересмотре плана капитальных работ на 1941 г. в связи с началом войны.³⁷ За годы войны на объекты строительства НКВД и в лагеря, выполнявшие производственные задачи военной экономики, было направлено свыше 2 млн заключенных. Большая часть их работала на строительстве железных дорог — 448 тыс. человек, в лагерях лесной промышленности — 320 тыс., на объектах промышленного строительства — 310 тыс., на аэродромном и шоссежном строительстве — 268 тыс., в горно-металлургической промышленности — 171 тыс. человек.³⁸ При этом основное внимание уделялось выполнению решений ГКО и приказов наркома внутренних дел СССР по обеспечению рабочей силой важнейших строителей, осуществляемых НКВД: строительства авиационных заводов в Куйбышеве, металлургических комбинатов в Нижнем Тагиле, Челябинске, Актюбинске и Закавказье, Норильского комбината, Джидинского комбината, Богословского алюминиевого завода, Северо-Печорской железнодорожной магистрали, стратегической железной дороги Саратов–Сталинград, железной дороги Комсомольск–Совгавань, нефтеперегонного завода в Куйбышеве.

Важное значение в годы войны имели контрагентские работы ГУЛАГа, связанные с выполнением производственных задач на стройках и промышленных объектах других ведомств. В условиях мобилизации, призыва миллионов мужчин в армию, потребность разворачивающейся оборонной промышленности в рабочей силе резко возросла. На первом этапе войны, как следует из архивных материалов, значительная часть запросов на контрагентскую рабочую силу ГУЛАГа оставалась неудовлетворенной. Так, в письме от 30.05.1942 г., направленном заместителем наркома НКВД С. Н. Кругловым заместителю председателя Совнаркома СССР А. Н. Косыгину, отмечается, что в связи «с острым недостатком» в рабочей силе на объектах, порученных НКВД СССР, «совершенно не представляется возможным» закрепить 3 700 человек из контингентов НКВД за предприятиями Главлесосбыта. С. Н. Круглов напоминает, что по вопросу обеспечения рабочей силой лесоперевалочных комбинатов Главлесосбыт «обращался к тов. Берия Л. П. и по его указанию» за предприятиями этого главка закреплено только 600 человек. В соответствии с этим «НКВД СССР не может дать согласия на принятие проекта постановления Совнаркома СССР», предложенного Главлесосбытом и предполагающего 6-кратное увеличение числа заключенных, закрепленных за данным главком.³⁹

В ответе С. Н. Круглова от 18.08.1942 г. на запрос заместителя председателя СНК СССР В. А. Малышева о возможности использования заключенных на одном из объектов отмечается, что заместитель наркома судостроительной промышленности СССР А. В. Самарин в июле сего года «уже возбуждал вопрос перед тов. Берия Л. П.» об увеличении численности Кулебакской торфоразрабатывающей колонии до 2 000 человек. Однако в связи с «острым недостатком в рабочей силе» в решении этого вопроса было отказано. В обоснование отказа в очередном запросе С. Н. Круглов отвечает В. А. Малышеву, что «в настоящее время, при наличии больших заданий по комплектованию ряда оборонных объектов, в соответствии с решениями ГОКО⁴⁰ и указаниями НКВД СССР, положение с рабочей силой продолжает оставаться столь же напряженным».⁴¹

³⁶ См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. С. 280, 281.

³⁷ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 25а. Д. 7227. Л. 12–23.

³⁸ См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. С. 276.

³⁹ ГАРФ. Ф. Р-9413. Оп. 1. Д. 35. Л. 377–378.

⁴⁰ ГОКО — то же, что ГКО — Государственный комитет обороны.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 34. Л. 400.

Еще через 4 дня С. Н. Круглов направляет письмо секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву, которое выражает озабоченность партийных руководителей на местах по поводу той же проблемы. Речь идет о просьбе секретаря Алтайского крайкома В. Н. Лобкова об отмене решения о вывозе 1000 заключенных за пределы края в связи с необходимостью пополнения рабочей силой строительства Барнаульского завода танковых дизелей. В документе отмечается, что Управлению НКВД по Алтайскому краю дано указание — 500 заключенных, намеченных к вывозу в Новосибирскую область, оставить в Алтайском крае и разрешить использовать их на строительстве указанного завода, где уже работают 1056 заключенных. Однако, указывая в завершение С. Н. Круглов, отменить приказ НКВД о вывозе 500 заключенных из Алтайского края на строительство Норильского никелевого комбината не представляется возможным «ввиду особой важности работ, производимых Норильлагом НКВД, и отсутствия других источников комплектования его рабочей силой». ⁴² В этом документе нашла отражение и определенная иерархия объектов строительства силами ГУЛАГа, определявшая приоритеты в распределении лагерной рабочей силы.

Как показывают архивные материалы, проблема продолжала оставаться актуальной и осенью 1942 г. Так, в письме С. Н. Круглова заместителю председателя Госплана В. П. Никитину от 10.10.1942 г. по поводу проекта постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о выделении рабочей силы (1000 заключенных) Красноярскому заводу НКМВ ⁴³ отмечается, что НКВД не может дать согласие на такое решение, так как «завезти это количество рабочей силы из других областей НКВД СССР не может в связи с комплектованием оборонных предприятий, проводимым по решениям Государственного Комитета Обороны, и острым недостатком в контингентах для этой цели». ⁴⁴

Острота проблемы нехватки рабочей силы в промышленности и на строительстве существенно снизилась в 1944 г. Об этом свидетельствует целый ряд архивных документов. Наиболее емко ситуацию характеризует докладная записка начальника Центрального финансового отдела НКВД СССР Л. И. Берензона об излишней рабочей силе на стройках и предпри-

ятиях НКВД, направленная в ноябре 1944 г. наркому внутренних дел СССР Л. П. Берии. ⁴⁵ В документе отмечается, что, по данным на 10 октября 1944 г., численность заключенных ГУЛАГа достигла 1597 тыс. человек, при этом за последние 3 месяца эта численность увеличилась на 203 тыс. Несмотря на то что обеспеченность ряда крупнейших лагерей истроек НКВД рабочей силой достигла 100 % и более, на эти объекты продолжает завозиться рабочая сила, «как заключенные и военнопленные, так и бывшие окруженцы». В результате по лагерям Управления лесной промышленности, например, при сокращении программы 1-го квартала 1944 г. на 9–12 % на 1 октября использовалось рабочей силы больше плановой потребности на 10 тыс. человек, кроме того, в октябре же было завезено еще более 13 тыс. заключенных. На ноябрь 1944 г. намечался дальнейший завоз заключенных, хотя производственный план на 1-й квартал 1945 г. проектировался ниже фактического выполнения программы 1-го квартала 1944 г. Аналогичная ситуация складывалась по Закавказьему металлургстрою, Базстрою, в лагерях и на стройках ГУЛЖДС НКВД и т. д. Автор докладной записки отмечает, что «такого обеспечения рабочей силой стройки и предприятия НКВД не имели даже до войны». ⁴⁶ Исходя из описанной ситуации Л. И. Берензон формулирует ряд предложений, среди которых: прекратить до конца года завоз рабочей силы на уже укомплектованные стройки и предприятия НКВД; стройкам и предприятиям, имеющим излишнюю рабочую силу, увеличить производственную программу, не допуская искусственного перевыполнения планов; за счет высвобождения и передачи в промышленность вольнонаемных рабочих, кроме особо квалифицированных и работающих на спецобъектах, укомплектовать стройки ГУАС заключенными. ⁴⁷

В 1944 г. в соответствии с решениями ГКО лагерная рабочая сила выделялась уже 640 предприятиям и строительством других наркоматов, в то время как до войны — только 350 предприятиям.

Важным вкладом ГУЛАГа в военную экономику страны было производство боеприпасов. Только за три года войны общий выпуск всех видов боеприпасов предприятиями ГУЛАГа составил более 70 млн единиц (НКВД СССР

⁴² Там же. Л. 414.

⁴³ НКМВ — Народный комиссариат минометного вооружения СССР.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 34. Л. 506.

⁴⁵ Там же. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2000. Л. 195–196.

⁴⁶ Там же. Л. 195.

⁴⁷ Там же. Л. 196.

стал вторым среди наркоматов по выпуску осколочно-фугасных мин). С начала 1942 г. предприятия ГУЛАГа стали осваивать новые виды боеприпасов, перейдя к производству 17 разных видов боеприпасов и элементов к ним.⁴⁸

Еще одним видом продукции для нужд фронта, в производстве которой НКВД СССР занимал второе место среди всех наркоматов, была спецукупорка, предназначенная для упаковки различных боеприпасов. С первых дней войны на производство спецукупорки было переключено 58 промышленных деревообрабатывающих колоний ГУЛАГа. За три года силами заключенных было изготовлено 20,7 млн комплектов спецукупорки, задание ГКО было выполнено на 107 %. При этом выпуск данной продукции в 1943 г. вырос в 2,8 раза по сравнению с 1941 г.⁴⁹

Предприятия ГУЛАГа освоили впервые в стране производство комбинированных источников питания — аппаратов «КИП» — для раций войск связи Красной Армии. Изготовлено было 500 тыс. катушек для полевого телефонного кабеля, 1 700 тыс. масок для противогазов и др. В соответствии с постановлением ГКО ГУЛАГ организовал на 20 предприятиях пошив обмундирования для Красной Армии. В итоге было пошито 22 млн единиц обмундирования⁵⁰ (напомним, что за годы войны службу в Красной Армии прошли 34 млн человек). Только в 1944 г. ГУЛАГ построил 24 новых аэродрома с твердым покрытием, восстановил 35 аэродромов в районах, освобожденных от немецкой оккупации.⁵¹ В 1944 г. заключенными было добыто 70 534 т золота (две трети всего золота, добытого в СССР).⁵²

Об отраслевой структуре промышленной продукции ГУЛАГа можно судить по данным за 1942 г.: по стоимости товарной продукции удельный вес цветной металлургии составил 26,8 %, лесной промышленности — 14,8, швейной — 14,0, металлообработки — 7,8, деревообработки — 6,0, топливной промышленности — 5,0 % и т. д.⁵³

Как утверждает начальник ГУЛАГа в упомянутом докладе Л. П. Берии, хозяйственные подразделения ГУЛАГа осуществляли свою производственную деятельность и содержа-

ние заключенных на основе полной самокупаемости.⁵⁴

* * *

Суммируя сказанное, можно утверждать, что в условиях войны, когда мобилизационная экономика СССР перешла в предельно напряженный режим, экономическая роль ГУЛАГа возросла. Контингенты ГУЛАГа, работая как на объектах, порученных главам НКВД, так и на предприятиях и строительстве объектов других наркоматов, внесли существенный вклад в производство ряда боеприпасов и спецукупорки для них, в добычу цветных металлов, угля и нефти, в пошив обмундирования для Красной Армии, в строительство оборонных предприятий, аэродромов, шоссе и железных дорог. При этом около 1 млн заключенных было передано в ряды Красной Армии, а еще около 1 млн скончалось за годы войны в силу тяжелых условий жизни и труда в лагерях. В рамках функционирования мобилизационной модели экономики в СССР в 1941–1945 гг. мобильная рабочая сила ГУЛАГа, легко перебрасываемая с объекта на объект в зависимости от потребностей военной экономики, способствовала оперативному решению текущих производственных задач, к тому же при минимальных расходах (лагеря существовали в условиях минимальной инфраструктуры, а затраты на рабочую силу заключенных были существенно ниже в сравнении с затратами при использовании труда вольнонаемных).

Есть ли основания считать, что ГУЛАГ внес решающий вклад в военную экономику СССР (как иногда полагают)? Разумеется, нет. Рабочая сила ГУЛАГа не превышала 10 % от численности занятых в промышленности и строительстве. Очевидно, в терминах ВВП или объема промышленного производства СССР вклад ГУЛАГа измерялся несколькими процентами. Лагерные контингенты практически не привлекались к производству передовых видов вооружения, а также многих категорий «гражданской» продукции. Однако на нескольких прорывных направлениях военной экономики, о которых шла речь выше, роль ГУЛАГа трудно переоценить. В условиях мобилизационной экономики военного времени лагерная система принудительного труда, возникшая в ходе форсированной сталинской индустриализации, оказалась востребованной.

⁴⁸ См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. С. 290, 291.

⁴⁹ Там же. С. 291, 292.

⁵⁰ Там же. С. 292.

⁵¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 92. Л. 242.

⁵² Там же. Л. 243.

⁵³ Там же. Ф. 5446. Оп. 44а. Д. 4884. Л. 35.

⁵⁴ См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. С. 295.

Leonid I. Borodkin

Member of the RAS, Professor of Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

E-mail: *lborodkin@mail.ru*

GULAG DURING THE WAR YEARS:
MOBILIZATION ECONOMY IN THE EXTREME MODE

The article examines various aspects of the use of forced labor in the USSR during the Great Patriotic War, under conditions of the mobilization economy in its extreme regime. The focus is on changes in the functions of the GULAG in the wartime, the number and structure of its contingents, the living and working conditions of prisoners in 1941–1945, and the contribution of the GULAG to the Soviet military economy. The characteristics of transformation of the GULAG management system on the eve of the war are given. It is shown that during the war period the first two years were especially difficult for GULAG contingents, when the main problem was food deficit in the camps and (as a result) sharp increase in the prisoners' sickness and mortality rates. The severity of these problems was reduced by 1944. The article focuses on the GULAG production activities during the war years, its contribution to the production related to the provision of the front needs. The increased role of the GULAG counteragent works aimed at the fulfillment of production tasks at construction sites and industrial facilities of a number of Soviet commissariats, is shown. At the first stage of the war, as follows from the archival materials, a large part of the requests for the counteragent labor of the GULAG remained unsatisfied because the demand for labor of the camps was exceeded its capabilities. Analysis of the mobilization mechanism of the GULAG is carried out on the basis of archival documentation.

Key words: *forced labor, mobilization model of the economy, military economy, GULAG*

REFERENCES

- Ertz S. [The camp system from 1930s to the 1950s: the evolution of the structure and principles of administration]. *GULAG: ekonomika prinuditel'nogo truda* [GULAG: The Economics of Forced Labor]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2005, pp. 90–128. (in Russ.).
- Fonotov A. G. *Rossiya: ot mobilizatsionnogo obshchestva k innovatsionnomu* [Russia: from a mobilization society to an innovative society]. Moscow: Nauka Publ., 1993, 272 p. (in Russ.).
- GULAG: Glavnoye upravleniye lagerey. 1918–1960* [GULAG: The main department of the camps. 1918–1960]. Moscow: Mezhdunarodnyy fond "Demokratiya" Publ., 2002, 888 p. (in Russ.).
- Khlevnyuk O. V. [Economics of the OGPU–NKVD–MVD in 1930–1953: scope, structure and development]. *GULAG: ekonomika prinuditel'nogo truda* [GULAG: The Economics of Forced Labor]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2005, pp. 67–89. (in Russ.).
- Sedov V. V. [Mobilization economy: from practice to theory]. *Mobilizatsionnaya model' ekonomiki: istoricheskiy opyt Rossii XX veka* [Mobilization model of economy: historical experience of Russia of the 20th century]. Chelyabinsk: "Entsiklopediya" Publ., 2009, pp. 7–9. (in Russ.).
- Zemskov V. N. [The contribution of GULAG prisoners to Victory in the Great Patriotic War]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Current History Journal], 1996, no. 5, pp. 131–150. (in Russ.).